

Поводов к душевному равновесию и гармоническому восприятию окружающего мира, несмотря на страшные порой гримасы его, вполне достаточно для того, чтобы не отъединяться от этой жизни, замыкаясь в своих рефлексиях и неразрешимых, на первый взгляд, вопросах... Таковым, на мой наисубъективнейший взгляд, является поэтическое творчество Александра Новопашина, предъявляющее нам, в свою очередь, современный образец концептуального искусства. Сегодняшнему образованному читателю должны быть хорошо известны имена выдающихся отечественных концептуалистов Б. Шергина, С. Писахова, В. Хлебникова, Н. Клюева, А. Платонова... А почему, спрашивается, именно концептуального искусства? Да потому, что оно содержит в себе образное воплощение идей, возникших в результате осмысления творцами впечатлений от жизни, когда в основу, в содержание произведения закладывается концепция гуманизма, выработанная и утверждающаяся в практике мировой литературы, в кильватере которой и ведет муза А. Новопашина, предъявляющего нам своеобразный портрет времени в контексте пристрастий автора, до сей поры остающегося экстравертом, несмотря на определенную трагедийность его лирических мотивов.

По этому поводу существует точка зрения на молодую поэзию, вернее, на одну из ветвей ее, как на принципиально обновленный, да хотя бы в постановке и разрешении этических и эстетических проблем, субстрат (общая материальная основа всех процессов и явлений, основа общности или сходства однородных явлений)... Многим из «молодых» условно авторов присущи мудрость, чистота, лишенный вульгарности язык, сострадание людям бедным и незащищенным. «Та, что с левой стороны, святая мышца в человеке...» (Б. Окуджава) работает в данном случае исправно. Я готов проиллюстрировать этот тезис следующими строками:

*Художник грелся у холста,
Нарисовав очаг горячий.
Был голоден он как всегда
И одинок, как хвост собачий.
Но у него была мечта,
Какой ни у кого на свете
Ты в жизни раньше не встречал
И никогда уже не встретишь —
Нарисовать на стенах счастье
И позабыть про все напасти.*

Лирическому герою молодого автора, чья творческая прерогатива заключается в поистине выстраданном и втайне выношенном «... раскрою крылья старой книги и скроюсь с нею на чердак, где прятал детские обиды», косная действительность все же диктует свое развитие заявленного на запове сюжета, поскольку он, герой, уже как бы провидит логическое завершение мизансцены: «...взлечу над городом унылым. Под утро, опустившись вниз, вновь стану ангелом бескрылым». Безрадостный, казалось бы, на первый взгляд, финал...

Но при исчерпывающей достоверности образа сама констатация увядания детских иллюзий тем не менее окрашена интонацией умудренной сдержанности, примиренности с неизменной утратой отроческих надежд и, наконец, неизбывной верой в то счастье, которое, как ни парадоксально это звучит, все же неотвратимо.

Альтернативное по отношению к убогой повседневности, творчество Александра Новопашина не отрицает этого, его мир не переключает энергию аффективных явлений на легко достигаемые цели, не является продуктом некоей условной сублимации, а стремится к максимальному самовыражению автора, далеко не безразличного к переживаемым согражданами драматическим коллизиям:

*На столе кувшин с водой,
Рядом с ним стакан граненый.
Только некому пустой
Бабушке стакан наполнить.
Только некому губам
Пересохшим дать напиться!
И текут вослед годам
Слезы горя сквозь ресницы.*

Это небольшое стихотворение под названием «Стакан» вполне уместно было бы озаглавить более пронзительно и более приближенно к сюжету, настолько полно исполнено оно неизбывной боли за злосчастную судьбу немощной престарелой женщины, оставленной без внимания и заботы дорогих, близких одинокому сердцу родных людей.

Не случайно же автор выводит из личной эмоциональной сферы:

*Гребень с запахом волос,
Бабушкино рукоделье,
Взгляд, угаснувший от слез,
С фото над ее постелью,
В три окна родимый дом,
Вековых углов усталость
И молчанье за столом...*

Последняя строка является ключевой и требует определенной пространственной отъединенности от общего контекста, так как в ней заключена основная идея этой вещи: горечь от невозможности возродить к жизни светлый образ оставившей семью бабушки...

Воспоминания о родном доме, об уходящих и ушедших стариках, о милых сердцу приметах минувшего бытия — вот, по существу, основной лейтмотив его лирических рефлексий.

Уместно ли, ведя разговор о концептуальной подоснове лирики А. Новопашина, относить к концептуальному искусству не только его стихи, но и ко всему тем фотографии, которые выступают в книге не только в качестве определенного иллюстративного материала, графически раскрывающего рефлексии поэта? Вполне, так как они, благодаря именно сочетанию со стихами, организуют своеобразное духовное пространство в тексте, формируют ту образную, чувственную и главным образом мыслительную субстанцию, из которой читатель сам переносит эту виртуальную, на первый взгляд, реальность на почву сугубо «собственной реальности», и — в соответствии с индивидуальным восприятием прочитанного, с индивидуальным осмыслением предложенной автором концепции.

Вовлеченные в силовое поле его творчества, вопреки постулату И. Ильина, герои А. Новопашина не являются «плоским, одномерным элементом авторской маски», а становятся выразителями авторского мировоззрения, его взгляда на мир и происходящее в нем.

Протоначальные гедонистические устремления автора любовных стихов («Велосипед», «Лодочки», «Скорый поезд») трансформируются, по зрелости, в поздний опыт утрат и разлук, проиллюстрированный автором в таких своих вещах, как «Покосившийся наличник», «Последняя нить», «Разбитая ваза»...

Александр Новопашин неизменно отождествляет себя с персонажами (будь то люди, а то и вещи) своих произведений, в которых он не только предельно автобиографичен, но и доверителен в своих прямых высказываниях.

А это — больше, чем чувственная пластическая предметность деталей. В поэзии А. Новопашина — субстанциальный (сущностный), по Б. Пастернаку, «...всесильный Бог деталей» нивелирует диктуемое нам косной действительностью различие между бытием и бытом.

К сожалению, современная отечественная поэзия, за редким, впрочем, исключением, переживает период метафизического оскудения, когда на авансцену ее все активней, в тени великих предшественников, заявляют права сомнительные «носители» воинствующей антидуховно-

сти, а то и гуманистической риторики, postперестроечного «новояза», лексических откровений люмпена и т. д.

В подобной ситуации уж так велик соблазн для автора саркастических инвектив в адрес этих плодящихся, многочисленных мишеней.

Наш же автор, в отличие от обозначенных выше «коллег», живет надеждой на благой исход происходящего в мире, движим верой в добрые душевные начала, исстари заложенные в человеке вообще, которые и рассматриваются им как явственный залог неперемного поражения зла.

И тогда из-под пера его появляются такие вот пронзительные строки:

*...Не выдержав, за поворотом
Твой друг пропал.
Не медли в размышленья робком —
Сорви стоп-кран!
Когда в конце дороги зимней
Заснешь от ран,
Оси земной Господь всесильный
Сорвет стоп-кран!*

При всем гуманистически духовном складе российской литературы А. Новопашин вооружен мировоззрением искреннего сочувственника «униженным и оскорбленным», ибо безоглядно доверяет интонации страдающей им интуиции в лучших своих стихах.

И она — платит ему сторицей.

Александр НОВОПАШИН. Родился 9 июля 1959 года в Тюмени.

Образование высшее. В 1984 году окончил Тюменский государственный университет по специальности «Филолог».

В 1997 году окончил Российскую академию государственной службы при президенте Российской Федерации по специальности «Государственное и муниципальное управление — социология».

С 2001 года — директор департамента информационной политики Тюменской области.

С 2016 года — советник губернатора Тюменской области по специальным проектам в сфере СМИ и информации.

Автор поэтических книг «Верховой» (2004), «Новый ковчег» (2014), «Вещь» (2016), «Частный случай» (2017), публикаций в журналах «Юность», «Культ личности», альманахе «День поэзии-2016», газете «Слово», местных периодических изданиях, поэтических альманахах и сборниках.